

**TRADUTTORE TRADITORE:
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПЛАТОНОВСКОГО
«ТЕЭТЕТА»**

И. А. ПРОТОПОПОВА
Российский государственный гуманитарный университет
plotinus70@gmail.com

IRINA PROTOPOVA
Russian State University for the Humanities

TRADUTTORE TRADITORE: PROBLEMS IN TRANSLATION OF PLATO'S *THEAETETUS*

ABSTRACT. The purpose of this short note is to show by concrete examples how in some Russian (among others) translations of Plato's *Theaetetus* the meaning changes to its exact opposite, which, of course, not only significantly complicates the understanding of the text for the reader inexperienced in ancient Greek, but sometimes brings him to an unsolvable logical impasse. The article analyzes two examples from T.V. Vasilyeva's translation in comparison with some other translations and focusing on the corresponding contexts of the dialogue: *Th.* 160e7–8 and 164c7–d2. It is important that these are not some run-of-the-mill passages, but the key points for Plato to build the logic of Sophists: in the first case, he shows the necessary absence of the subject of sensation in the concept of universal movement; in the second, the role of the “agreement on words” in the eristic strategy of Sophists. In both cases, Vasilyeva's translation, unfortunately, can only confuse the reader and make him doubt the logic and coherence of the Platonic text. From the point of view of the history of Plato's translations, it would be interesting to consider possible sources of error in the first example (*Th.* 160e7–8) from multilingual translators of different epochs. From the practical point of view, the analysis of Vasilyeva's translation of the *Theaetetus*, included in the “canonical” Russian-language edition of Plato, shows one thing: a new translation of the *Theaetetus* into Russian is earnestly needed.

KEYWORDS: Plato's *Theaetetus*, translation, T.V. Vasilyeva, context, Sophists, subject of sensation.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971, <https://rscf.ru/project/23-18-00971>. The research is funded by Russian Science Foundation, no. 23-18-00971.

Задача этой небольшой заметки — показать на конкретных примерах, как в некоторых русских переводах «Теэтета» смысл меняется на ровно противоположный, что, разумеется, не просто существенно затрудняет понимание текста для читателя, не владеющего древнегреческим, но порой доводит его до неразрешимого логического тупика.

Мы разберем всего два примера из перевода Т.В. Васильевой в сравнении с некоторыми другими переводами, рассматривая соответствующие контексты диалога¹.

Иной — не иной? Th. 160e7–8

Οὐκ οὖν ἐγὼ τε οὐδὲν ἄλλο ποτὲ γενήσομαι οὕτως αἰσθανόμενος· τοῦ γὰρ ἄλλου ἄλλη αἰσθησις, καὶ ἄλλοιον καὶ ἄλλον ποιεῖ τὸν αἰσθανόμενον· οὐτ' ἐκεῖνο τὸ ποιοῦν ἐμὲ μή ποτ' ἄλλω συνελθὼν ταῦτόν γενήσων τοιοῦτον γένηται· ἀπὸ γὰρ ἄλλου ἄλλο γενήσων ἄλλοιον γένησεται (159e7–160a3)².

Перевод Т.В. Васильевой:

И, ощущая таким образом, я уже не стану ничем иным: ибо от других вещей — другое ощущение, делающее отличным и другим самого ощущающего, равно как и действующее на меня, сойдясь с другим и произведя другое, никогда не сможет остаться таким же, поскольку, производя от другого другое, оно станет другим³.

Перевод В.К. Сережникова (в скобках пояснения переводчика):

Следовательно, я никогда не буду ощущать так ничего другого, ибо иное ощущение предполагает иное (предмет), и то, что действует (активное начало), изменяет и делает ощущающего иным. И это делающее меня (так ощущающим), встретившись с другим, хотя и произведет то же (т.е. акт ощущения), но не будет таким же (ощущением), так как во взаимодействии с другим, произведя иное, оно само будет иным⁴.

В этом фрагменте продолжается разворачивание тезиса софистов о том, что не существует ничего самого по себе (*αὐτὸ μὲν καθ' αὐτὸ μηδὲν εἶναι*, 157a), есть только движение и взаимодействие разных потоков, причем активное и

¹ В целом к творчеству Т.В. Васильевой в области платоноведения мы относимся вполне положительно, см. Светлов, Протопопова 2020, 33–35.

² Греческий текст приводим по изданию Nicken 1995.

³ Васильева 1993, 213.

⁴ Сережников 1936, 51.

пассивное воздействия не закреплены за чем-то определенным, а меняются. При этом не может существовать ни качеств как таковых, ни воспринимающего, обладающего определенным свойством, — и то, и другое возникает в момент «встречи» (156b–157c). Здесь предлагается пример здорового и больного Сократа, выпивающего вино. Собеседники соглашаются, что нечто иное по отношению к чему-то — это иное во всех отношениях, и абсолютно неподобное (158e5–159a8). Тогда выпивание вина производит разные качества: в одном случае вино становится сладким, а воспринимающий ощущает сладкое, в другом вино становится горьким и воспринимающий ощущает горечь. Таким образом, Сократа как *такового* нет, поскольку в разные моменты восприятия и ощущающий, и ощущаемое будут различаться, а поскольку движение предполагается непрерывным, то и *единого субъекта восприятия*, и *качества как такового* быть не может. После этого идет выделенная фраза: Οὐκ οὖν ἐγὼ τε οὐδὲν ἄλλο ποτὲ γενήσομαι οὕτως αἰσθανόμενος.

В переводе Васильевой мы внезапно читаем: «И, ощущая таким образом, я уже не стану ничем иным». Как видим, οὐδὲν ἄλλο относится у нее к ἐγὼ, что порождает буквально «взрывающую мозг» логику: только что нас всячески пытались убедить, что не бывает ничего такого, что оставалось бы «не-инным», что нет одного и того же Сократа, и вдруг по непонятной причине все застывает в каком-то абсолютно чуждом инаковости, самотождественном «я», против которого вообще-то и выступают софисты. Немного дальше в своей речи Протагор говорит, имея в виду искушенного софиста (166b6–c1): δῶσειν ποτὲ τὸν αὐτὸν εἶναι τὸν ἀνομοιοῦμενον τῷ πρὶν ἀνομοιοῦσθαι ὄντι; μᾶλλον δὲ τὸν εἶναι τινα ἄλλ' οὐχὶ τοὺς, καὶ τοὺτους γιγνομένους ἀλείρους, «думаешь, он уступит тебе в том, что изменившийся — тот же самый человек, что и до изменения? Более того, что это тот человек, а не те, бесконечно возникающие...»⁵.

Приведенный перевод выглядит тем более странно, что сразу вслед за этой частью предложения предшествующая «логика инаковости» продолжается и уточняется, и переводит это Васильева вполне адекватно (см. выше) — из перевода ясно, что и ощущаемое, и ощущающий никогда не остаются теми же. Налицо явное противоречие даже на уровне одного предложения, не говоря уже о том, что перевод выделенного кусочка резко диссонирует с окружающим его контекстом. Примечательно, что именно по поводу этой части предложения к переводу Васильевой дается комментарий: «Платон выступает здесь против наивного сенсуализма с его приматом отдельного ощущения»⁶. То есть бросающаяся в глаза нелогичность требует пояснения, которое

⁵ Васильева 1993, 221.

⁶ Васильева 1993, 480.

выглядит совершенно неубедительным и даже диковатым: получается, что Платон посреди воспроизведения логики софистов вдруг ни с того ни с сего вставляет в текст фразу совершенно «из другой оперы», полностью нарушающую смысл, и тут же продолжает предыдущую логику.

Однако справедливости ради стоит заметить, что эту фразу переводит неверно не только Васильева. Вот несколько примеров ошибочных переводов:

Et ego nihil unquam aliud fiam sic sentiens («И я никогда не стану ничем другим, так ощущая»)⁷.

Itaque neque ego alius quis unquam fiam ita sentiens («Значит, и я никогда не стану никем другим, так ощущая»)⁸.

Also werde sowol ich nichts anderes jemals werden, so lange ich so wahrnehme («Так что ничем другим я никогда не стану, пока так ощущаю»)⁹.

I therefore, thus perceiving, do not ever become any thing else («Поэтому я, воспринимая таким образом, никогда не становлюсь ничем другим»)¹⁰.

Also werde ich niemals ein anderer werden, so lange ich in dieser Weise wahrnehme («Так что я никогда не стану никем другим, пока ощущаю таким образом»)¹¹.

И я, чувствуя такъ, никогда не сдѣлаюсь инымъ¹².

По сему никогда я не сдѣлаюсь другій, пока симъ чувствующимъ буду¹³.

Ошибка всех этих переводов в том, что οὐδὲν ἄλλο соотносится с ἐγώ, тогда как ἄλλο — объект αἰσθανόμενος, что совершенно очевидно из следующих вслед за этим строк и логично вытекает из всего рассуждения. Смысл в том, что *я никогда не буду ощущать ни что иное тем же самым образом*, да и сам я, как выясняется тут же, никогда не остаюсь тем же самым¹⁴. Издатель «Геэтета» Л.

⁷ Ficino 1484, 88r.

⁸ Ast 1820, 55, 480.

⁹ Schleiermacher 1856, 153.

¹⁰ Taylor 1804, 30.

¹¹ Apelt 1923, 59.

¹² Карпов 1879, 352.

¹³ Пахомов 1783, 25.

¹⁴ А вот несколько примеров правильных по смыслу переводов: Cornarius 1561, 11: Nonne ego qui sic sentio, nihil unquam aliud fiam? («Разве не стану я, чувствуя так, чем-то другим?»). Narcy 2011, 1914: Moi, donc, je ne me trouverai jamais sentir aucune autre chose de cette façon («Так значит, я как таковой, не буду никогда ничто другое ощущать таким же образом»). Fowler 1921, 71: Then I shall never have this perception of any other thing («Тогда я никогда не буду ощущать так же ничто другое»). Levett, Burnyeat 1997, 283: And I shall never again become *thus* percipient of anything else («И никогда

Кэмпбелл комментирует это место так: «Главное, что здесь подчеркнуто, — это не идентичность субъекта в одной и той же комбинации, а различие, которое возникает с каждой новой комбинацией». И далее (Кэмпбелл перефразирует здесь то самое ключевое утверждение Платона): «‘ибо другой объект подразумевает другое ощущение и делает того, кто воспринимает его, другим человеком’: т.е. я и мое ощущение становимся разными с каждым изменением объекта чувств. Смысл этих слов в том, чтобы подчеркнуть непередаваемую индивидуальность каждого чувственного акта: т.е. не просто *вино* или *горечь*, а конкретная горечь конкретного вина для конкретного вкуса в данный конкретный момент»¹⁵.

Таким образом, Васильева воспроизводит в своем переводе довольно распространённую ошибку, и нам остается только удивляться: как могли вполне компетентные специалисты и знатоки Платона не учитывать в переводе данного фрагмента совершенно очевидный контекст и намеренно выстраиваемую логику?

Соглашаться — не соглашаться? Th. 160c7–d2

Αντιλογικῶς εἰοίκαμεν πρὸς τὰς τῶν ὀνομάτων ὁμολογίας ἀνομολογησάμενοι καὶ τοιοῦτω τινὶ περιγεγόμενοι τοῦ λόγου ἀγαπᾶν, καὶ οὐ φάσκοντες ἀγωνισταὶ ἀλλὰ φιλόσοφοι εἶναι λαμβάνομεν ταῦτ᾽ ἐκείνοις τοῖς δεινοῖς ἀνδράσιν ποιοῦντες (164c7–d2).

Перевод Т.В. Васильевой:

Мы похожи на завязтых спорщиков, когда, не договорившись о словах, пытаемся победить в доказательстве, подменив их значение, и при этом

снова не стану я воспринимающим что-то еще *так*»). Benardete 1981, i.24: And just as I shall never become in just this way if I'm perceiving anything else («И точно так же, как я никогда снова не буду тем же самым, если воспринимаю я что-то еще». Ferrari 2011, 289: Perciò io non sarò percipiente in questo modo rispetto a nessun'altra cosa («Поэтому я не буду воспринимающим таким же образом по отношению к чему-либо другому»). Серезников 1936, 51: Следовательно, я никогда не буду ощущать так ничего другого.

¹⁵ “The point insisted on is not the identity of the subject while in the same combination, but the difference which arises with every new combination... ‘For a different object implies a different sensation, and makes him who perceives it a different man’: i.e. I and my sensation become different with every change in the object of sense. The intention of these words is to mark the incommunicable individuality of every act of sense: i.e. not wine or bitterness, but the peculiar bitterness of a particular wine to a particular palate at a particular moment” (Campbell 1883, 71, n. 1).

утверждаем, что мы-де не спорщики, а философы, сами не замечая, как делаем то же самое, что и эти искусенные в спорах мужи.

Перевод В.К. Серезникова:

Подражая эристикам, мы предпочитаем условиться относительно определенного значения слов и таким образом одержать в разговоре верх. Выдавая себя не за борцов, а за философов, мы незаметно становимся на один путь с теми отчаянными мужами¹⁶.

Как видим, переводы выделенного фрагмента ровно противоположные — у Васильевой спорщики не договариваются о словах, причем подменяют их значение, что в оригинальном тексте отсутствует; у Серезникова, наоборот, эристики условливаются о значениях, и это перевод правильный. Почему же такие договоренности помогают софистам одерживать верх в споре?

В этом месте рассматриваются парадоксы, возникающие, если мы жестко следуем принятым в начале разговора определениям: прежде всего, имеется в виду основной тезис данного круга рассуждения, «знание есть ощущение». Неукоснительное следование этому положению приводит к абсурду: получается, если мы закроем глаза — а значит, не ощущаем непосредственно зрением некий предмет, — то уже не знаем этот предмет, представляющий в нашей памяти. Это совершенно противоречит очевидной реальности восприятия (163d–164c).

То же самое мы наблюдали и в предыдущем примере. Там собеседники условились, что иное — это иное во всех отношениях, из чего следовало, что больной и здоровый Сократ не подобен себе не только в отношении болезни и здоровья, но *абсолютно*, и потому «Сократы» являются разными людьми. Это такое же искажение здравого смысла на основе принятой логики, как и в обсуждаемом тезисе о знании как ощущении.

Условленность относительно какого-то определения и жесткое следование ему — излюбленный прием софистов, который часто воспроизводит Платон (яркий пример — диалог «Евтидем», например 293b–296d). При этом платоновский Сократ делает вроде бы то же самое — показывает, как собеседник, изначально признавший верность какого-то положения, в ходе распросов неумолимо приходит к противоречию с самим собой.

Но важнейшая разница между софистами и Сократом состоит в том, что первых заботит лишь победа в словесном споре, обеспеченная именно первичным соглашением относительно определений, а Сократу важно ввести

¹⁶ Серезников 1936: 61–62.

собеседника в состояние *апории*, чтобы он понял: любое словесное определение может быть опровергнуто.

Смысл в том, что философия — это не поиск определений, поскольку слова — это лишь обозначения, а философу, считает Платон, необходимо понять саму суть предмета. Значит, как любит повторять Сократ в разных платоновских диалогах, дело не в «именах», а в самом предмете, не в словах, а в «делах» (ср., например, *Th.* 177d5–6)¹⁷. Именно по этому поводу и противопоставлены в разбираемой фразе «завзятые спорщики» и философы: первые условливаются относительно определений ради победы в споре, вторые — для того, чтобы показать недостаточность словесных определений для исследования предмета, а сама фиксация словесного противоречия должна вывести собеседников на новый уровень рассуждения.

Заметим, что непосредственно в самом разбираемом фрагменте нет прозрачности относительно того, как «соглашение насчет имен» позволяет софистам брать верх в споре, и даже верный перевод может сопровождаться не очень-то хорошо проясняющим комментарием. Вот перевод В. Карпова: «мы походимъ на тѣхъ спорщиковъ, которые соглашаются между собою относительно принятаго ими значенія именъ и такимъ образомъ въ разсужденіи любятъ брать верхъ»¹⁸.

Переводчик делает здесь примечание, в котором объясняет стратегию софистов в споре тем, что они *подменяют значение слов*: «поставляются здѣсь на видъ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, которые пускались въ разныя словесныя хитрости, хватаясь то за то, то за другое значеніе слова. И такъ, Сократъ показываетъ, что протагорейцы могутъ помочь своему мнѣнію тогда, когда съ извѣстными словами будутъ соединять иное значеніе»¹⁹.

По поводу разных значений слов можно, конечно, обратиться к тексту «Евтидема», где Сократ характеризует беседы Евтидема и Дионисодора как игру и забаву, в которой софисты не заботятся о сути предмета, но подставляют собеседнику ножку, используя различие имен (*τὴν τῶν ὀνομάτων διαφορὰν*, *Euthd.* 278b). Однако это различие работает в споре только в том случае, если благодаря ему опровергается *изначально условленное значение-определение*, — именно факт такого соглашения является кардинальным и для эристики, и для сократовского эленхоса, и как раз этот факт остается у Карпова в тени.

¹⁷ Ср. *R.* 454a о любителях спорить, выискивая противоречия в словах.

¹⁸ Карпов 1879, 361.

¹⁹ Карпов 1879, 361, п. 1.

Вероятно, именно попытка объяснить разницу софистов и философов заставляет Васильеву добавлять слова, которых вообще нет в тексте: «*подменив их значение*»; источник такого объяснения, как мы видели выше, вполне ясен.

Но почему в переводе Васильевой появляется совершенно противоположный смысл, то есть вместо «соглашения о словах» — «*не договорившись о словах*»? Предполагаю, что переводчиком тут руководило некое убеждение в непреходящей ценности «договоренности о словах» для философской полемики. А чтобы понять, откуда взялась такая аксиома, возможно, стоит рассмотреть общественно-исторический контекст времени, когда осуществлялся перевод, — но это отдельная задача.

Итак, мы разобрали два примера переводов, где смысл оказывается ровно противоположным в сравнении с оригиналом. Важно, что это не проходные места, а ключевые для выстраивания Платоном логики софистов: в первом случае он показывает необходимое отсутствие субъекта ощущения в концепции всеобщего движения; во втором — роль «соглашения о словах» в эристической стратегии софистов. В обоих случаях перевод Васильевой, к сожалению, может только запутать читателя и заставить его усомниться в логике и связности платоновского текста.

С точки зрения истории переводов Платона было бы небезынтересно рассмотреть возможные источники ошибки в первом примере (*Th.* 160e7–8.) у разноязычных переводчиков разных эпох. С точки зрения практики анализ перевода «Теэтета» Васильевой, включенного в «каноническое» русскоязычное издание Платона, показывает одно: действительно необходим новый перевод «Теэтета» на русский язык.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Васильева, Т.В., пер. (1993) «Теэтет» (перевод заново сверен И.И. Маханьковым), in А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, А.А. Тахо-Годи (ред.), *Платон. Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 2, 192–274 (469–482: примечания А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи). М.: Мысль.
- Карпов, В.Н., пер. (1879) «Теэтеть», in Id. (ред.), *Сочинения Платона*. Ч. 5, 289–437. СПб.: Въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ».
- Пахомов, М.С., пер. (1783) «Θεετιτѣ», in Id., И.И. Сидоровский (ред.), *Творения велемудраго Платона*. Ч. 2.1, 1–96. СПб.: при Императорской Академіи Наукъ.
- Светлов, Р.; Протопопова, И. (2020) «Исследование Платоновского наследия в России: история, современность, перспективы», *Платоновские исследования* 13.2, 11–55.
- Сережников, В.К., пер. (1936) *Платон. Теэтет*. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ.
- Apelt, O., tr. (1923) *Platon. Theätet*. Leipzig: Felix Meiner.

- Ast, F., tr. (1820) "Theaetetus", in Id. (ed.), *Platonis quae exstant opera*. Vol. 2, 1–201. Lipsiae: in libraria Weidmannia.
- Benardete, S., tr. (1984) *The Being of the Beautiful: Plato's "Theaetetus", "Sophist", and "Statesman"*. The University of Chicago Press.
- Campbell, L., tr. (1883) *The Theaetetus of Plato*. Oxford: Clarendon Press.
- Cornarius, J., tr. (1561) "Theaetetus", in Id. (ed.), *Platonis Atheniensis, philosophi summi ac penitus divini Opera*, 103–136. Basiliae: Froben.
- Ficino, M., tr. (1484) "Theaetetus", in Id. (ed.), *Platonis Opera*, 84r–100r. Florentie: impressum per Laurentium Venetum.
- Fowler, H.N., tr. (1921) "Theaetetus", in *Plato in Twelve Volumes*. Harvard University Press. Vol. 7, 1–257.
- Ferrari, F., tr. (2011) *Platone. Teeteto*. Milano: BUR Rizzoli.
- Hicken, W.F., ed. (1995) "Theaetetus", in Id., E.A. Duke, W.S.M. Nicoll, D.B. Robinson, J.C.G. Strachan (eds.), *Platonis Opera*. T. 1, 278–382. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano.
- Levett, M.J.; Burnyeat, M., trs. (1990) *The Theaetetus of Plato. With a translation of Plato's "Theaetetus" by M.J. Levett, revised by Myles Burnyeat*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.
- Narcy, M. (2011), "Théétète", in L. Brisson (ed.), *Platon. Œuvres complètes*, 1891–1976. Paris: Éditions Flammarion.
- Schleiermacher, F., tr. (1856) *Theaitetos*, in Id. (ed.), *Platons Werke*. Berlin: Georg Reimer. Bd. 2.1, 117–220.
- Svetlov, R.; Protopopova, I. (2020) "An Overview of Plato's Legacy in Russia: Past, Present, and Prospects", *Platonic Investigations* 13.2: 11–55. (In Russian.)
- Taylor, T., tr. (1804) "The Theaetetus", in Id., F. Sydenham (eds.), *The Works of Plato*. Vol. 4, 1–98. London: Printed for Thomas Taylor, etc.